

18+

Владислав Мокров

18+

Терактник

История мальчика, выжившего в Беслане

Владислав Мокров

**Терактник. История мальчика,
выжившего в Беслане**

«Издательские решения»

Мокров В. В.

Терактник. История мальчика, выжившего в Беслане /
В. В. Мокров — «Издательские решения»,

1 сентября 2004 года девятилетний Владислав пришёл на школьную линейку вместе с отцом и оказался среди заложников школы №1 в Беслане. Спустя более двадцати лет он восстанавливает события тех трёх дней по обрывкам детской памяти и размышляет о них. «Терактник» — не расследование и не политический текст, а честный личный рассказ о страхе, спасении, семье, травме и любви, которая помогает человеку жить дальше. Книга содержит тяжелые сцены и предназначена для взрослых читателей.

Содержание

От автора	6
Последний мирный день	7
Первое сентября	9
Некуда бежать	10
В спортзале	12
Телефоны и мечта о Спрайте	13
Жара и страх	14
Минирование зала	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Терактник

История мальчика, выжившего в Беслане

Владислав Владимирович Мокров

© Владислав Владимирович Мокров, 2026

ISBN 978-5-0070-7877-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта книга — не расследование.

Я пишу только то, что помню сам, и то, что спустя годы рассказывали мне близкие и люди, которые были рядом в те дни.

Я понимаю, что у каждого, кто пережил Беслан, своя память. Кто-то может помнить те же события иначе. Память вообще странная вещь: одни детали она держит крепко, другие стирает почти полностью.

Я не хочу никого обидеть, обвинить или задеть. Если где-то я ошибаюсь в деталях, это не от злого умысла. Это моя попытка собрать то, что осталось во мне после тех трёх дней.

С уважением ко всем погибшим, выжившим и их семьям.

Последний мирный день

Прошло уже более двадцати лет. Сегодня 14 апреля 2025 года, 23:30, и я пишу этот текст после обычного рабочего дня и отличной тренировки по большому теннису. Мне хорошо сейчас, но вспоминать всё это нелегко.

7 сентября 2004 года мне исполнилось десять лет. Я плохо помню дни перед трагедией, они меркнут в тени вспышки воспоминаний о следующих трёх днях. Я пытался уточнить детали у двоих старших братьев, но они тоже почти ничего не помнят. Один старше меня на шестнадцать лет, второй — на пятнадцать.

Возможно, в моей памяти схлопнулись несколько дней в один. Но я всё же расскажу то, что сохранилось.

Каждое лето и почти все выходные дни в течение учебного года я проводил у бабули на Кирпичных планах. Это частный сектор из девяти улиц. Моя бабушка до сих пор живёт на третьей улице — Вокзальной. Этот адрес ещё сыграет большую роль в моей истории.

Последний мирный день — 31 августа. Мы с моим средним братом Игорем ездили на мотоцикле за навозом для бабушкиного огорода. У нашего отца был зелёный мотоцикл «Урал» с люлькой — такой, говорят, есть даже у Брэда Питта. Игорь постоянно ковырялся в этом мотоцикле и даже приделал к нему фаркоп для прицепа.

Игорь на нашем мотоцикле «Урал»

Мы поехали на окраину нашего частного сектора, где у маленькой речки местные жители держали коров и выбрасывали навоз. Речку мы в детстве прозвали «речкой-вонючкой» — за вполне очевидный запах.

Мы застелили прицеп полиэтиленом, нагрузили его свежим, почти жидким навозом — совсем не перегноем, а буквально свежим коровьим говном. На обратном пути, возможно, Игорь даже дал мне порулить мотоциклом, как часто делал позже, но эти детали уже стёрлись.

Помню лишь, что я всегда боялся собак, которые пытались на ходу укусить нас за ноги или мотоцикл.

Когда мы приехали к бабуле, открыли заднюю стенку прицепа, навоз просто вылился на бетонный пол во дворе под навесом. Вроде бы Игорь таскал его ведрами в огород, а я наполнял эти ведра совковой лопатой. Хотя, возможно, и я тоже что-то таскал — уже не помню точно.

Вечером пришёл отец, чтобы забрать меня на квартиру. Мы жили в доме №37 на Школьном переулке, где я проводил всё учебное время. Сейчас эта квартира обычно пустует, туда иногда приезжают наши родственники или мы с женой остаёмся там переночевать, когда навещаем родных.

Летом 2004 года отец построил новый деревянный туалет в огороде. Туалет стоял на старой канализационной яме, и мы с Игорем её углубляли, хотя я и не помню точно, было ли это именно в тот год. К концу лета туалет уже вовсю использовался, хотя в ванной был и обычный унитаз с новой канализацией. Этот деревянный туалет до сих пор стоит в огороде, сначала он был зелёный, а когда краска выгорела, мама покрасила его в разноцветном стиле, напоминающем Баухаус.

Тем же летом мои друзья собирались поехать на футбольный матч во Владикавказ. Мне очень хотелось с ними. Я пошёл отпрашиваться у отца. Он как раз возился с деревянной конструкцией дачного туалета.

Отец выслушал меня и отказал. Сказал, что в стране сейчас происходит слишком много терактов. Что на стадионе может случиться взрыв или давка — и я могу погибнуть. Лучше не рисковать. Тогда мне, конечно, было обидно. Я не понимал, почему меня не отпускают туда, куда едут остальные. Но сейчас это воспоминание звучит совсем иначе.

Я не помню, о чём говорили вечером. Помню лишь, что был недоволен окончанием лета и необходимостью снова заниматься учёбой. Но одновременно радовался возможности улизнуть от постоянных поручений Игоря, который всё время норовил занять меня полезной домашней работой.

Отец работал в депо на железнодорожной станции Беслан. Вечером первого сентября он должен был идти в ночную смену, последнюю перед отпуском.

Также не помню, как мы с отцом добрались до квартиры, но помню, как я помылся и сел смотреть телевизор. В то лето отец купил новый телевизор и DVD-проигрыватель марки LG. Я долго разбирался в настройках и играл в какую-то встроенную игру. Родители уже ложились спать, а я попросил ещё немного поиграть и обещал сам лечь попозже. Кажется, я засиделся примерно до часу ночи, хотя, возможно, лёг и раньше.

Это был последний вечер моего мирного детства.

Первое сентября

Как я проснулся утром 1 сентября — я не помню. Как собирался — тоже не помню.

Но зато помню, что у нас квартира на пятом (последнем) этаже. И кто-то ночью лазил на чердак. Мы это поняли, так как вся площадка была засыпана сухим голубиным помётом. Когда открывался люк на крышу, весь помёт, что копится на крышке люка, обычно сыпается на площадку. Как оказалось позднее, на кровлю пятиэтажек ночью залезли боевики и оттуда прикрывали своих и первое время контролировали пространство. Потом они спустились и ушли все в школу. Кто-то из знакомых рассказывал, что, идя на линейку в школу, видел на крыше нашего дома человека.

Осталось еще лишь одно яркое воспоминание: к новому учебному году я нашёл отличные туфли, которые мне безумно нравились. Чёрные, остроносые — тогда такие были последним пискom моды на рынке. Подошва туфель заходила на носок и заворачивалась вверх сантиметра на два. Я был придирчив к одежде и мог водить родителей по рынку часами, пока не найду что-то по-настоящему своё. До сих пор удивляюсь, как мама это выдерживала. Есть ещё какое-то крошечное воспоминание, что и костюм мне тоже очень нравился. Или это были новые трусы, которые мне почему-то запомнились — сейчас уже сложно сказать. Но чувство, что с какой-то ещё вещью мне потом было особенно жаль расставаться, сохранилось чётко.

Отец был одет в светлый льняной костюм. Мы собрались и пошли в школу на праздничную линейку. Мама должна была пойти вместе с нами, но в этот день после линейки собиралась зайти её подруга с семьёй — наши бывшие соседи с квартиры напротив. В итоге мама решила остаться дома, чтобы успеть прибраться и подготовиться к их приходу.

Когда мы пришли в школу, я сразу занял своё место среди одноклассников. Вот я уже и четвероклассник. Начало учебного года не особо радовало: из декрета возвращалась наша первая учительница, которая была строгой и требовательной. Хотя учился я у неё хорошо, но гораздо больше нравилось, когда нас вела другая учительница — добрая, у которой можно было немного схалтурить.

Стоя на линейке, я думал о грамотах, которые мне обещали вручить за победу в какой-то олимпиаде по русскому языку и второе место в математике. Учился я тогда с огромным интересом и азартом, хотя вскоре после четвёртого класса всё покатило под откос. Настоящее удовольствие от учёбы вернулось ко мне только много лет спустя, уже после магистратуры, когда я самостоятельно учился программировать или начал изучать английский в 28 лет.

В тот момент на линейке я чувствовал недовольство от мысли о возвращении строгой учительницы. Внезапно вспомнилось, что в тот день было жарко. Я стоял, глядя на солнце — его было видно сквозь лёгкую пелену облаков, отчего оно не слепило глаза, и можно было ясно различить его контуры. Тогда я подумал, что никогда раньше такого не видел, и даже спрашивал потом у других — но никто ничего подобного не заметил.

Отец тем временем стоял метрах в двадцати и общался с другими мужчинами. Они окружили канализационный люк, торчащий из земли. Несколько человек упирались одной ногой прямо в него.

И вдруг я услышал странные хлопки и звуки. В задние ворота школы вбежала какая-то женщина и закричала:

— Это захват!

А за ней, метрах в десяти, появился террорист в маске и начал стрелять в воздух.

Мгновенно началась паника. Я резко обернулся, пытаюсь найти глазами отца возле канализационного люка. Но там уже никого не было. Ни мужчин, ни моего отца. Я стоял растерянный, не понимая, что происходит, куда мне бежать и где теперь отец.

Некуда бежать

Я побежал к тому самому канализационному люку, где совсем недавно стоял мой отец. Пока бежал, отчаянно выискивал его глазами — но так и не нашёл. Мне даже не пришло в голову, что можно было бы убежать в обратную сторону, перелезть через забор, спрятаться в котельной — как это сделала малая часть людей. Всё происходило слишком быстро. Я просто побежал, как и все, мимо турников — прямо к спортзалу.

Много лет спустя, уже взрослым, в 2024 году, я не раз возвращался именно к этому моменту растерянности на сессиях с психотерапевтом. Мы обсуждали его на протяжении трёх встреч — он цеплялся за меня, как будто не хотел отпускать. В этом ощущении застревания, беспомощности и непонимания, куда идти и где родной человек — оказалось слишком много всего, что я не прожил тогда до конца.

Ещё наш сосед мне говорил, что когда на звуки выстрелов выглядывал со своего балкона во двор, то видел, как мой отец выбегал из нашего подъезда и убежал в сторону школы. Но мама говорит, что он домой не заходил и из дома бежать не мог. Так что информация неподтверждённая.

А мама в этот момент была дома, думала, что шарики лопаются за окном. Когда выглянула в окно и увидела у входа в школу боевика, стреляющего в воздух, она поняла, что это захват школы. Во дворе тем временем шастали боевики с оружием и в масках. Они громко призывали всех выходить из квартир.

По пути я зацепился за что-то на земле своими остроносими туфлями и сильно споткнулся. Слева от меня, у здания мастерских, я увидел циклон — циклонный фильтр для вентиляции. Он находился снаружи мастерских у стены, здание мастерских тянулось до самого спортзала. Мне показалось, что можно было бы спрятаться за ним: спина бы была прикрыта стеной спортзала, а сам я оказался бы в тени. Но тогда я заметил — за циклоном уже пряталась девушка с маленьким ребенком на руках. Я понял: выхода нет, убежать некуда, спрятаться тоже негде.

Слева — тот самый циклон; рядом — люк, возле которого мой отец стоял с другими мужчинами. В тупике — спортзал. Фото найдено в открытых источниках, автор мне неизвестен.

Тот самый циклон с рукавом, стоящий у маленького здания с темной крышей. Посредине фото спортзал. Фото сгенерировано нейросетью.

Людей сгоняли к дверям спортзала. Двери были заперты. Я оказался совсем рядом с ними, стоя у стены спортзала. Рядом со мной стоял старший брат моего одноклассника. Мы поздоровались, я спросил, где его брат. Он не знал. Позже я снова встречу их вместе с сестрой — втроём они оказались в зале. Но тогда мы просто стояли и ждали.

К дверям подошёл один из боевиков — в Беслане позже их стали называть «боевики». Он пытался открыть дверь. Дети, тем временем, начали разбивать окна на первом этаже в коридоре и пытались забраться внутрь через них. Не помню, получилось ли у кого-то, но в какой-то момент дверь всё-таки открыли, и толпа ринулась внутрь.

Я тоже вошёл. Прошёл по прохладному коридору мимо раздевалок и оказался в почти пустом баскетбольном зале. Прошёл к первому окну справа и сел под ним на скамейку.

В спортзале

Я сажусь писать этот текст 20 апреля 2025 года. Сегодня Пасха. Мы с женой позавтракали куличом, постукались крашеными яйцами и впервые в жизни попробовали творожную пасху в виде пирамидки. Я позвонил маме, поздравил её, отправил поздравления родственникам и другу из Великобритании — в этом году Пасха совпала и у православных, и у католиков.

Я сидел на скамейке под окном. Справа от меня была пожилая женщина, слева — мой одноклассник Давид Айларов. Он так и провёл все три дня на этом месте. Судьба уберегла его: вокруг погибло множество людей, у выживших были десятки осколков в теле, но он остался цел.

Зал стремительно наполнялся людьми, становилось всё душнее. Окна открывать было нельзя. Пот лился по лицу, затекал в глаза. Бабушка справа вытирала лоб платочком. Я смотрел на неё и мечтал о собственном платке. В какой-то момент попросил у неё платочек, и она без слов протянула его мне. Я вытерся, но это принесло лишь краткое облегчение.

Сейчас я пытаюсь вспомнить, как выглядела эта бабушка, но не могу. Слезы наворачиваются на глаза. Чувствую к ней бесконечную благодарность и тепло. Не знаю, выжила ли она. Не видел её ни на фотографиях погибших, ни среди живых после. Теперь я сижу на кровати с ноутбуком и плачу.

Иногда капли пота стекали в рот. Я ловил их вкус, будто оттягивая наступление настоящей жажды.

Телефоны и мечта о Спрайте

В какой-то момент боевики заявили, что кто-то из зала позвонил наружу. Они пригрозили расправой. Люди стали выбрасывать телефоны и деньги в проход между двумя скоплениями людей. Нас разделили на две части вдоль спортзала. Если смотреть от раздевалок, то слева сидела примерно пятая часть всех заложников.

Я смотрел на этот проход и мечтал: если нас освободят, я возьму 10 рублей и куплю себе Спрайт в магазине напротив нашего дома. До него было всего три минуты ходьбы.

Год назад, обсуждая этот момент с психотерапевтом, он предложил мне купить себе тот самый Спрайт после сеанса. Я так и сделал. Но понял, что вкус Спрайта уже не тот — во взрослой жизни мне больше по душе Кока-кола. Хотя пару дней назад, снова после сессии, я взял в KFC стрипсы и ледяной Спрайт. Теперь Спрайт ассоциируется у меня не с залом, а с поездками в Англию в старших классах, где наш друг Стивен Бейлис (который организовывал нам эти благотворительные поездки в Великобританию) покупал нам огромные ведра KFC и двухлитровые бутылки Спрайта в заведениях при заправках.

Жара и страх

В зале становилось всё жарче. Мы сидели, словно в раскалённой сауне. Многие ещё стояли — места не хватало.

Я видел, как боевики набирали воду в бутылки и разливали её на заложников. Сначала просто поливали, потом начали брызгать крест-накрест. Я испугался: мне показалось, что это какой-то ритуал перед казнью, сейчас нас будут убивать. Но этого не произошло.

Вместо этого раздался выстрел. Толпа стихла. Люди сели на пол. Иногда кто-то вставал размять ноги, но со временем шум снова начинал расти, и боевики быстро возвращали зал к тишине.

Минирование зала

Началась самая страшная часть. Боевики начали минировать зал. Они вешали бомбы на баскетбольные кольца, обматывали их корзину и клали в нее бомбу, протягивали провода от кольца к кольцу. Прямо по центру зала висела растяжка с бомбой. Вдоль левой стороны прохода установили огромные блоки взрывчатки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.